

узнать численность людей, входящих в эти категории учета, было невозможно, поскольку они при обработке результатов переписи включались в более крупные этнические категории.

В связи с политикой признания самостоятельности языков и народов авторы рецензируемой книги особое внимание уделяют попыткам местных властей в нескольких регионах приписать вновь выделенные переписью категории учета к более крупным "титულным народам". Так, этнографы отмечают значительные расхождения между известной им и зафиксированной переписью численностями носителей того или иного языка в Дагестане. Причем оказалось, что эти расхождения находятся в полной зависимости от политики районных администраций. Например, в Цумадинском и Ботлихском административных районах эти расхождения чрезвычайно велики, а в Цунтинском – малы. Хваршин, проживающих в Цумадинском р-не, оказалось почти в 20 раз меньше прогнозируемого числа, а бежтинцы, проживающие в соседнем административном районе, сумели отстоять свое право на самостоятельный учет. Влияние политического фактора на итоговую численность конкретных категорий этнического учета ярко показано на примере коллизий между научным и политическим подходами в Дагестане, Татарстане и Башкирии, Республике Алтай, а также при рассмотрении проблемы казачества. Эти разделы книги дают важные материалы для теоретического осмысления тех процессов, которые имеют прямое отношение к политике идентичности и часть которых в отечественной этнографической литературе рассматривалась прежде под рубриками "этногенеза" и "ассимиляции".

Если говорить о ценности рассматриваемой работы для теоретического анализа, то помимо сюжетов о взаимодействии идентичности и политики она содержит богатые материалы для анализа языковых сдвигов и осмысления первых результатов той языковой политики, старт которой был дан еще в период перестройки. Лингвисты обнаружат во многих региональных главах интересные материалы о "национально-русском" и "обоюдном" двуязычии и их правовой поддержке на уровне регионального законодательства. Связан с этой темой также сюжет, касающийся утраты в ряде регионов "титулными" и миноритарными языками своих позиций в пользу русского (языковая ассимиляция).

Можно продолжать перечень тем, способных заинтересовать представителей разных научных дисциплин и специализаций (в числе неупомянутых – этно- и мигрантофобии, проявившиеся в том числе и при обсуждении итогов переписи; процессы метисации и их восприятие "титулными элитами"; методологические проблемы изучения языковой ситуации в связи с категориями "родной язык"; связь языковой ориентации с уровнем образования и т.д.). Несомненно одно – книга представляет собой значительный вклад в статистические исследования этнических и языковых изменений в населении страны и в этом качестве может быть рекомендована самому широкому кругу профессиональных читателей – демографам, лингвистам, антропологам, политологам, а также управленцам, занятым в сферах статистического учета населения, языковой, этнокультурной политики и политике в сфере образования.

ЭО, 2008 г., № 3

© В.А. Липинская. Рец. на: *Ю.В. Аргудяева. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф. Русские Приамурья в исследованиях В.К. Арсеньева. Материалы и комментарии.* Владивосток: ДВО РАН, 2007. 272 с.

Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) широко известен в нашей стране благодаря его литературным произведениям, в которых раскрыты богатства природы Дальнего Востока (В джунглях Уссурийского края. М., 1949) и с симпатией представлены местные коренные жители (Дерсу Узала. М., 1949). Эти яркие и увлекательные повести появились благодаря многолетним научным исследованиям автора. Неумолимый путешественник, он предпринял с 1918 по 1926 г.

ряд экспедиций для географического и военно-статистического изучения восточной окраины России, пройдя от Камчатки и Командорских о-вов до границы с Китаем. Все экспедиции были комплексными, и в них наряду с другими темами постоянно осуществлялись этнографические наблюдения за хозяйственной деятельностью, бытом, семейной обрядностью, традиционной культурой коренного населения, а также за процессом расселения в Южном Приморье восточных славян, преимущественно русских. В задачи, стоявшие перед В.К. Арсеньевым, входило, в частности, выявление колонизационной емкости южных районов Дальнего Востока, особенно интенсивно заселявшегося в начале XX в. Исследуя долины рек и российское побережье Японского моря, он отмечал в полевых дневниках места, приемлемые для расселения русских и возможности ведения хозяйства в местных природно-климатических условиях.

Дневники В.К. Арсеньева, насыщенные разносторонней информацией, написанные прекрасным литературным языком, снабженные фотографиями, рисунками и топографическими планами, привлекли внимание известного специалиста по этнографии славянского населения Дальневосточного региона Ю.В. Аргудяевой. В течение нескольких лет она изучала обширное наследие В.К. Арсеньева, включающее помимо дневников письма, докладные записки, фотоматериалы и публикации, хранящиеся в различных краевых и областных архивах, в Центральном Российском государственном историческом архиве и более всего – в Рукописном фонде Общества изучения Амурского края. Собранные материалы позволили Ю.В. Аргудяевой опубликовать монографию, раскрывающую личность В.К. Арсеньева как наблюдательного этнографа, оставившего хотя и краткие, но четкие очерки быта русских первопоселенцев, встречавшихся на маршрутах его путешествий.

Монография состоит из "Введения", двух глав и заключения. Главы организованы по географическому принципу: гл. I посвящена Приамурью, гл. II – Приморью. Каждая глава разделена на две части. Первая из них освещает первоначальное расселение, состав населения, условия и возможности адаптации, некоторые ее результаты в хозяйственной деятельности и в быту. Такая структура придает работе четкость и облегчает сравнимость материала обеих глав. Во второй части гл. I специальное внимание уделено процессам взаимовлияния русских и коренных народов, а в гл. II – старообрядцам и взаимоотношениям с соседними народами, в том числе с китайцами и японцами.

Основными материалами для автора стали дневниковые записи В.К. Арсеньева, относящиеся к двум периодам его экспедиционной деятельности: в Приморье (1906–1909 гг.) и в Приамурье (Ануйская экспедиция 1926 г.). Именно в дневниковых записях этих лет имеется наибольшее количество сведений о русских.

То, что Ю.В. Аргудяева обозначает как комментарии, является по существу ее собственными научными исследованиями. Ввести их автора побудила лаконичность дневниковых записей В.К. Арсеньева, нередко указывавшего лишь название населенного пункта и обозначившего фамилию первопоселенца. Ю.В. Аргудяева взяла на себя труд проследить дальнейшую судьбу каждого из указанных поселений, а также большинства людей, чьи фамилии были упомянуты. Сложилась оригинальная форма публикации: в ней нет повседневных дневниковых записей, но каждая цитата сопровождается подробной исторической справкой. Параллельное изложение записей В.К. Арсеньева и более поздних наблюдений автора стало удачной находкой, поскольку краткие заметки путешественника, поданные на широком историческом фоне, дают возможность весьма полно представить условия, в которых проходило освоение дальневосточных окраин страны в первые три десятилетия XX в. В некоторых случаях Ю.В. Аргудяева привлекает документы середины и даже конца XX в., освещающие судьбы отдельных семей, упомянутых в дневниках В.К. Арсеньева.

В первую очередь Ю.В. Аргудяева стремится уточнить по дневниковым записям время и место основания русских селений, свидетелем и очевидцем чего мог стать путешественник. Однако, как выяснилось, сведения эти иногда оказывались противоречивыми. Так, заселение Ольгинского стана в дневнике отнесено к 1859 г., в публикации В.К. Арсеньева – к 1854 г., а в Документах Переселенческого управления – к 1860 г. (с. 129). Представляя собственные изыскания о заселении Приморья, автор обращает внимание читателя на то, что первопоселенцы вначале

основывали временные селения (заимки), т.е. вселение могло происходить неоднократно, и в таком случае источники отражали разные стадии развития населенного пункта.

В.К. Арсеньев, а за ним Ю.В. Аргудяева отметили внутреннюю миграцию первопоселенцев, которые из уже освоенных мест добровольно переселялись на лучшие угодья или покидали насиженные места при неблагоприятных климатических или социальных условиях. Эти обстоятельства служили стимулами для расширения ареала расселения русских.

В своих дневниках В.К. Арсеньев постоянно подчеркивал, что для закрепления русских крестьян на землях Дальнего Востока требуется выбирать для заселения местности с благоприятными природными условиями. Он, в частности, вел специальный "Дневник экономического обследования", в котором характеризовал условия обитания как коренных народов, так и переселенцев. Например, он указывал: "Для крестьян, которые поселятся на Малышевской протоке, благоприятными условиями будут 1) хорошие сенокосы, 2) богатые травой выгоны, 3) рыбная ловля, 4) удобство сообщений водным путем по Амуру..." (с. 39). В отчетах он обращал внимание Переселенческого Управления на необходимость учитывать все плюсы и минусы при нарезании участков для размещения переселенцев из Европейской части страны. В противном случае поселенцы отказываются от крестьянского труда и переходят к заготовке леса или нанимаются на подсобные работы (с. 39–43).

Владимир Клавдиевич по ходу своих маршрутов оценивал природные возможности местностей, намечаемых для заселения: качество земли, воды, трав, лесостоя. Он выяснял ареалы распространения птиц, зверей, рыб, диких пчел, отмечал начало развития пчеловодства. Для уточнения собранных данных Арсеньев обращался к народному опыту, переписывая погодные заметки крестьян. В частности, Ю.В. Аргудяева, изучая архивные собрания, выявила многолетнюю переписку путешественника с некоторыми крестьянами. В письмах местных жителей отражались их практические действия по изучению местной природы и хозяйственной адаптации к ней, которые поддерживались путешественником.

В отношении адаптивных способностей переселенцев автор особо отмечает перемены в отношении В.К. Арсеньева к старообрядцам (гл. II, ч. 2). Известно, что старообрядцы считались консерваторами, мало склонными к восприятию нового. Первоначально и Владимир Клавдиевич видел в них нелюдимых собственников, стремившихся обособиться в своем патриархальном мире. Однако более внимательное знакомство показало, что общинный быт небольших деревень староверов способствовал организованности в труде, бережному отношению к природе, привлечению на пользу дела опыта не только русского народа, но и местных жителей. Он описал в дневниках пример крестьян с Пермского, где нашел "народ трезвый и разумный". Крестьяне-земледельцы увидели перспективность охоты на новом месте и самостоятельно начали выработать правила ведения охотничьего хозяйства: решили выделить заказник и беречь его. От местных жителей они научились заготавливать панты (молодые рога оленей), охотно закупавшиеся китайцами (с. 172–173). Высокую адаптивную способность старообрядцев, подмеченную В.К. Арсеньевым, автор подтверждает и своими материалами, собранными во время полевых исследований во второй половине XX в. Ю.В. Аргудяева пришла к выводу, что более раннее поселение облегчало приспособляемость мигрантов, и на этом пути весьма значима была роль старообрядчества (с. 199–200), что отмечал и путешественник.

В.К. Арсеньева тревожило, что Дальневосточный край был слабо заселен, а попытки хищнического захвата природных богатств соседями уже ясно обозначались. В связи с этим на основании своих многочисленных наблюдений В.К. Арсеньев предлагал некоторые рекомендации: "Только с заселением края русскими, с удалением хищников, с правильной эксплуатацией природных естественных богатств... – край может быстро развиваться и богатеть" (с. 197). Эти слова актуальны и в наши дни.

В заключение считаю нужным подчеркнуть, что В.К. Арсеньев, как многогранный исследователь, при жизни пользовался уважением не только в научных кругах, но и у жителей Дальнего Востока. К его трудам до настоящего времени обращаются специалисты различных научных дисциплин. Этнологов, в частности, более интересовали материалы о малых народах Дальнего Востока. Автор впервые раскрыла перед читателями роль его как исследователя этнографии

русских. Введение Ю.В. Аргудяевой в научный оборот значительного по объему неопубликованного материала, собранного В.К. Арсеньевым, привлечение ее собственных полевых данных позволяют получить новые и более обширные сведения о начальном этапе расселения русских в регионе.

В книге обозначена позитивная роль крестьян в освоении таежных районов Дальнего Востока, в охране окружающей среды, сохранении традиционной русской культуры и русского языка. Это особенно важно в настоящее время в связи с активизацией национально-культурных процессов, с новым этапом в изучении местных природных богатств и дальнейшим развитием региона.

Рецензируемая монография увидела свет в юбилейный год. Автор посвятила ее 135-летию со дня рождения неутомимого исследователя, показав непреходящую значимость его наблюдений и актуальность его выводов и предложений.

ЭО, 2008 г., № 3

© **И.Л. Бабич**. Рец. на: *Р.А. Силантьев. Новейшая история исламского сообщества России*. М.: ИИПК "Ихтиос", 2006. 623 с.; *Р.А. Силантьев. Новейшая история ислама в России*. М.: Алгоритм, 2007. 575 с.

Как известно, в 1990-е годы процессы восстановления ислама на территории России наряду с православным и иным религиозным возрождением стали одним из ключевых объектов исследований ученых – историков, исламоведов, правоведов, социологов. За последние годы вышло немало работ по этой теме. Тем не менее рецензируемые монографии в значительной мере выделяются в этом ряду в силу целого ряда обстоятельств.

Предназначенные для широкого круга читателей книги Р.А. Силантьева посвящены описанию и анализу проблем процессов исламизации или, точнее, реисламизации в ряде национальных регионов России. Отметим, что рецензируемые книги частично повторяют друг друга, частично – дополняют. Вторая монография имеет более фундаментальное значение, поскольку ее цель – "показать общую тенденцию развития ислама с 1989 по 2006 год". Не случайно у нее есть и подзаголовок – "Ислам в России на рубеже тысячелетий. История и политика". В этой же книге представлены дополнительные материалы, раскрывающие изменение религиозной ситуации со времени издания первой монографии.

Обе монографии посвящены описанию и анализу процессов исламского возрождения в 1990-е годы на всей территории Российской Федерации. Автор ставит перед собой цель изучить ключевые вопросы становления "политического ислама", т.е. ислама, который является, с одной стороны, инструментом для политической деятельности мусульман, а с другой, сам становится фактором политического развития Российской Федерации. Подобных книг в России не так уж много. Можно упомянуть работы А.В. Малашенко, А.А. Игнатенко, И.П. Добаева и В.И. Немчины (*Малашенко* 2001, 2006; *Игнатенко* 2004; *Добаев, Немчина* 2005).

Автор исследует несколько ключевых аспектов политического ислама – формирование исламской элиты и сопутствующий этому процесс – развитие разногласий между исламскими лидерами, представляющими различные исламские организации, т.е. "раскол внутри исламского сообщества".

Р.А. Силантьев обратился к материалам, собранным им с 1998 по 2004 г. в 57 субъектах Российской Федерации, к источникам двух типов: 1) данным проведенных автором опросов 500 мусульманских лидеров, сотрудников региональных администраций и правоохранительных органов, ученых и журналистов; 2) документам из архивов мусульманских централизованных организаций, в частности Духовных управлений мусульман. Подобные архивы действительно